

Научная статья
УДК 930.23(519.5:518)
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/70-77

Южнокорейская историческая наука о Северо-Восточном проекте КНР

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozlov.le@dvvu.ru

Аннотация. В статье рецензируется ряд актуальных публикаций южнокорейской исторической науки о Северо-Восточном проекте, доказывающем исторические права Китая на Маньчжурию. В Республике Корея этот проект подвергся резкой критике за подгонку современной этнонациональной теории КНР к древним этносам и государствам. Корейско-китайские противоречия по истории Древнего Чосона, Пуё, Когурё и Бохай остаются весьма политизированными, из-за чего комплексное изучение древней истории Северо-Востока КНР, Корейского полуострова и юга Дальнего Востока России еще долго будет встречать затруднения.

Ключевые слова: Северо-Восточный проект, Республика Корея, Китай, историческая политика, Кочосон, Пуё, Когурё, Бохай

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии"

Для цитирования: Козлов Л.Е. Южнокорейская историческая наука о Северо-Восточном проекте КНР // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 70–77. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/70-77

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/70-77

South Korean Historical Science on the Northeast Project of the PRC

Leonid E. KOZLOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozlov.le@dvvu.ru

Abstract. The article reviews several publications that analyze and criticize the so-called Northeast Project. It was a program of research on the history and modernity of Northeast China in 2002–2007, carried out by the Chinese Academy of Social Sciences with the support of the PRC government. Its purpose was to bolster China's historical rights to Manchuria. In the Republic of Korea, this project was sharply criticized for fitting the modern ethno-national theory of the PRC to ancient ethnic groups and states. Korean-Chinese contradictions over the history of Kojoseon, Puyo, Koguryo, and Bohai remain highly politicized. Therefore a comprehensive study of the ancient history of the Northeast of China, the Korean Peninsula and the South of the Russian Far East will face difficulties for a long time. South Korean researchers consider the ancient states of the PRC's Northeast an integral part of the history of Korea and agree to "share" with China only in order to recognize the presence of other ethnic groups and close ties of these countries with the core of the Chinese civilization.

Keywords: Northeast Project, Republic of Korea, China, politics of history, Kojoseon, Puyo, Koguryo, Bohai

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-511-93005 "Development of the strategic partnership between Russia and China in East Asia."

For citation: Kozlov L.E. South Korean Historical Science on the Northeast Project of the PRC // Oriental Institute Journal. 2022. No. 1. P. 70–77. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/70-77

"Северо-Восточный проект" (СВП) – это пятилетняя программа исследований истории и современности Северо-Восточного Китая, которая была реализована в 2002–2007 гг. Китайской академией общественных наук (КАОН) при поддержке правительства КНР. Его цель состояла в том, чтобы подкрепить авторитетными исследованиями исторические права Китая на Маньчжурию, которые, по мнению китайских властей, несправедливо оспаривались некоторыми иностранными научными и политическими кругами. Среди прочего, СВП должен был помочь зарегистрировать в ЮНЕСКО археологические памятники (в первую очередь, гробницы) государства Когурё, сохранившиеся на территории КНР [2, с. 285].

В некоторых странах этот проект подвергся резкой научной и общественной критике за подгонку современной концепции КНР как единого многоэтнического

государства к древним этносам и государствам. СВП, как и аналогичные проекты в Тибете и Синьцзяне (Юго-Западный и Северо-Западный), доказывал, что в древности китайское государство занимало больше территории, чем традиционно считает мировая историческая наука, и что любой досовременный народ или государство, которые занимали любую часть территории нынешней КНР, является частью китайской истории, в том числе Древний Чосон, Пуё, Когурё и Бохай.

Российская наука в этой дискуссии занимает взвешенную позицию, сравнивая аргументы всех сторон [2, с. 284-293]. Древняя и средневековая Маньчжурия занимает периферийное место в исторической политике России, так что отечественная наука может заниматься ее изучением без лишней политизации. С научной точки зрения объективное и комплексное изучение этого региона нам совершенно необходимо, поскольку в древности он был тесно включен в этнические, культурные и иные процессы, общие с южной частью современного Дальневосточного федерального округа. Соответствующие исследования активно ведут Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН и Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН [1; 3].

О бюджете СВП существуют противоречивые сведения. Комитет экспертов СВП в 2002 г. утверждал, что на проект было выделено 15 млн. юаней (\$2,4 млн.): по 2,5 млн. юаней на год. Финансирование должно было поступать из трех источников: министерство финансов Китая, сама КАОН и провинциальные комитеты КПК в Цилинь, Ляонин и Хэйлуцзян. Южнокорейские авторы сообщали, что проект имел бюджет в 20 млрд. юаней [5].

СВП породил ожесточенные академические и дипломатические споры между Китаем и Кореей (как Южной, так и Северной). Авторы СВП доказывали, что все древние этносы на Северо-Востоке были этническими меньшинствами в рамках древнего Китая, что основная часть Когурё была впоследствии интегрирована в китайскую нацию и что между Когурё и Корё не было должной преемственности. С 2004 г. СВП начал широко освещаться в прессе Южной Кореи и вызвал возмущение местной общественности. Это возмущение в основном касалось Когурё, которое является чрезвычайно важным пунктом корейского национализма. В Южной Корее СВП стал символом исторического ревизионизма и радикальной политической экспансии КНР. Дискуссия о его результатах продолжилась и после того, как СВП был официально завершен (в последнем южнокорейские ученые выражают большие сомнения). В 2006 г. на основании специального закона в Республике Корея был создан государственный Фонд истории Северо-Восточной Азии (동북아역사재단), призванный ответить своими исследованиями на "исторические искажения и претензии на суверенитет Кореи" со стороны соседних стран, в особенности на китайскую трактовку истории Когурё и японскую – истории островов Токто. Региональные власти Северо-Восточного Китая, в свою очередь, с одобрения центрального правительства эксплуатируют наследие проекта, размещая на туристических объектах соответствующие вывески и брошюры [5].

В настоящей статье рецензируется несколько публикаций, находящихся в свободном доступе в базе "Korean Citation Index" (KCI), а также на других научных сайтах, в которых анализируется и критикуется СВП. Эти публикации рассмотрены в порядке их опубликования: от более ранних к более поздним. В KCI за 2013-2022 гг. индексируется 46 статей, содержащих среди ключевых слов "Северо-Восточный проект" (동북공정). Кроме того, по замечанию рецензента, Северо-Восточный проект также фигурирует в южнокорейских монографиях. Для автора статьи данная тема не является основной в исследованиях, и проанализировать весь корпус соответствующей южнокорейской литературы грозило бы чрезвычайными трудозатратами. Поэтому мы субъективно выбрали несколько, на наш взгляд, типичных текстов. Однако этой публикацией мы бы хотели активизировать дискуссию об исторической политике (политике памяти) стран Северо-Восточной Азии, затрагивающей Восток России, на более широком эмпирическом материале Китая, Кореи, Японии, Монголии и на более глубокой теоретической базе, в особенности

же обратить внимание на политизацию древней истории и археологии. Таковая, по нашему впечатлению, в XXI в. нарастает не только в США, но и во многих других макрорегионах мира. Пока эта дискуссия носит достаточно фрагментарный характер, например, в РИНЦ только в одной статье "Северо-Восточный проект" фигурирует в качестве ключевого слова, а древнее государство Пуё не фигурирует нигде.

Когда СВП был в самой активной стадии (2004), одну из типичных для Южной Кореи критических публикаций подготовил для англоязычной аудитории Пак Кёнчунль, сотрудник университета Каннам [6]. В статье "История Когурё и китайский Северо-Восточный проект" он утверждает, что в китайских попытках исказить историю нет ничего нового: еще в XVII в. династия Цин издала книгу, которая утверждала, что история Кореи является частью истории Маньчжурии. Эта книга вызвала ужас среди ученых течения Сирхак, доказывавших независимый характер корейской истории. В начале XX в. империалистическая Япония развивала тезис о том, что история Маньчжурии была отделена от истории Китая, но соединена с историей Кореи, чтобы опровергнуть исторические претензии Китая на господство в этом макрорегионе. При этом японцы утверждали, что Корея всегда зависела от Маньчжурии. В ответ корейские ученые-националисты доказывали независимую природу и корейскую культуру древних королевств Пуё и Когурё. По мнению Пак Кёнчуля, любая попытка понять историю Когурё должна начинаться с признания того факта, что территория Когурё одновременно включала северную часть Корейского полуострова и три северо-восточные провинции современного Китая. Современная же Корея должна реагировать на иностранные "ненаучные, но политически мотивированные" исторические интерпретации комплексными стратегиями (вероятно, своими аналогами СВП), доказывающими корейскую природу Древнего Чосона, Пуё, Когурё и Бохай.

Наиболее взвешенно, на наш взгляд, СВП проанализирован в статье южнокорейской сотрудницы Лейпцигского университета (Германия) Ан Ёнсон "Корейско-китайская война учебников" (2006) [4]. Она отмечает, что среди актуальных споров по поводу учебников истории и территориального суверенитета в Восточной Азии центральное место занимает китайско-корейский, который, прежде всего, касается истории и наследия Когурё, занимавшего обширную территорию от центральной Маньчжурии до юга Сеула на пике своего могущества (V в. н.э.). В так называемых "исторических войнах" как Китай, так и Корея заявляют, что история Когурё принадлежат исключительно им. Они используют древнюю историю и археологию, чтобы обосновать свой суверенитет над оспариваемым прошлым.

Ещё в 1986 г. китайский историк Сунь Цзинцзи предположил, что Когурё отделен от истории бесспорно корейских государств Пэкче и Силла. Он утверждал, что население Пуё и Когурё имело ту же родословную, что и китайцы в Северо-Восточном регионе, в то время как корейцы были частью линии Силла. С 1993 г. в Китае резко увеличилось количество статей, в которых Когурё указывалось как одно из национальных меньшинств древнего Китая и неотъемлемая часть китайской истории. Эта тенденция достигла пика в 1997 г. и постепенно снизилась к 2000 г. На академической конференции 1993 г. в КНР северокорейский историк Пак Шихён прямо оспорил тезис о том, что Когурё является частью китайской истории. Китайские ученые не были единодушны: некоторые признавали корейскую сущность Когурё, некоторые считали, что история Когурё принадлежит и Китаю, и Корее. Участники СВП доказывали китайскую принадлежность Когурё двумя аргументами: во-первых, Когурё выросло из ханьского военного округа Сюаньту, во-вторых, когурёсцы составляли влиятельную этническую группу в несомненно китайских приграничных районах на Северо-Востоке в период между династиями Западная Хань и Тан (между 24 и 618 гг. н.э.).

Ан Ёнсон делает вывод, что ученые как КНР, так и РК создают идеологически нагруженные интерпретации прошлого, избегая нейтральных научных методов. Их интерпретации противоречивы и нацелены на подкрепление националистических претензий. Эта дискуссия КНР и РК имеет глубокие корни в текущей полити-

ческой повестке. В то время как каждая сторона критикует другую за злоупотребление историей в политических целях, Когурё сохраняет важное символическое значение в исторической политике КНР и РК. Древняя история Когурё используется Китаем и Кореей как идеологический аргумент, чтобы претендовать на авторитет и историческую непрерывность современного государства.

Спор КНР и РК проецирует современное национальное государство на древние времена, реконструируя древнюю историю в рамках национальной истории. Историки двух стран задним числом прилагают к древнему периоду современные концепции национальной территории и национального государства. В центре спора по поводу истории и археологии Когурё находится вопрос о границах национальной истории и наследия, которые Китай и Корея изображают по-разному. История, наследие и культура в Китае определяются с точки зрения его нынешних территорий и границ. Корейская же национальная история определяется территорией, где прежде жили корейские племена. Забота националистов о культурной однородности ведет к исключительной социальной изоляции друг от друга. Обе стороны говорят о воровстве, манипулировании и искажении истории и призывают исправлять, защищать и спасать "нашу" историю. В этом контексте история трактуется как моральная дихотомия: либо правильная, т.е. хорошая история, либо искаженная, т.е. плохая история.

Сотрудник Института истории и культуры Чхунчхон-Намдо Ли Чонсу в 2007 г. подготовил обзор китайских исследований государства Пуё [12]. Исследования археологии Пуё он делит на три периода. В первом (со времени установления японского господства над Маньчжурией Японией в 1930-х гг. и до 1945 г.) японские ученые проводили археологические исследования элементарного уровня, в основном же история и география Пуё изучалась посредством древнекитайских письменных источников. Во втором периоде (1945 - 1970-е гг.) ученые КНР начали фундаментальные исследования археологических памятников Пуё по всей территории провинции Цзилинь, также несколько артефактов было найдено в процессе раскопок на горе Ситуаньшань. В третьем периоде (с 1980-х гг. по настоящее время) были проведены полномасштабные исследования культуры Пуё, основанные на предыдущих находках и новых раскопках. Всего было найдено около 70 памятников культуры Пуё, из них посредством раскопок – только 9, а остальные – с помощью осмотров поверхности. На 2007 г. Ли Чонсу обнаружил около 80 китайских публикаций о Пуё, в основном 1980-х и 1990-х гг. Среди них было 49 научных диссертаций и 32 обзора археологических материалов. Среди этих диссертаций 30 были основаны на письменных источниках и 19 – на археологических.

В 1950-70-х гг. большинство археологических исследований в провинции Цзилинь было сосредоточено на культуре Ситуаньшань, а тематика Пуё оставалась в ее тени. Начиная с 1980-х гг. исследования Пуё стали быстро продвигаться вперед: увеличивалось количество публикаций по археологии, исследования стали систематичными и подробными, письменные и археологические материалы анализировались совместно. Изучение Пуё стало важной частью СВП. Мнения китайских специалистов о Пуё разнятся в зависимости от провинций, к которым они принадлежат: Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян стараются так или иначе использовать наследие Пуё в своих интересах. Общий вывод китайской науки о политической природе Пуё состоит в том, что это был периферийный феномен, зависимый от ядра китайской цивилизации. На основе этого тезиса проводятся все последующие исследования и выходят публикации в прессе КНР.

Сотрудник университета Корё Чхве Квансик в статье "Китайское видение истории Когурё и Бохая, продемонстрированное в Северо-Восточном проекте" (2008) дает обзор соответствующих китайских теорий и призывает к тому, чтобы Республика Корея продолжала следить за китайскими исследованиями древней истории Северо-Востока, несмотря на завершение СВП. Корейской науке важно знать и понимать результаты СВП, потому что на их основе Китай заявляет, что Когурё и Бохай принадлежат к его истории [10].

Одним из приоритетов СВП было изучение истории Когурё. Китай приложил все усилия, чтобы включить историю Когурё в свою историю, прежде всего, в рамках дискуссии о происхождении Когурё. По данному вопросу китайские историки выдвинули четыре версии, и все они рассматривали Когурё как часть истории Китая. Результаты СВП были включены в монографии с характерными названиями "Всеобъемлющее исследование истории древнекитайского Когурё" и "Постоянное исследование истории древнекитайского Когурё". Большинство бохайских исследований в рамках СВП предполагают мохэскую (т.е. тунгусскую) природу этого государства. Также они настаивают на том, что Бохай был одной из единиц китайской административно-территориальной системы цзими чжоу ("округ сдерживания"). По мнению Чхве Квансика, китайские историки, имея заранее определенную цель, готовы привлекать такие расплывчатые источники, как "И Чжоу Шу" (компендиум древнекитайских документов о периоде Западной Чжоу), выдавать псевдо-дань, фигурировавшую в ходе дипломатических церемоний, за доказательство зависимости Когурё и Бохай от Китая и заниматься прочими натяжками.

В том же номере южнокорейского журнала "Дописьменная и древняя история", где опубликовал свою статью Чхве Квансик, вышла статья японского ученого Синохара Хироката, сотрудника университета Кансай, "Понимание древней корейской истории в Китае на примере Кочосона и Пуё" [7]. Синохара Хироката считает, что СВП не привел к каким-либо кардинальным изменениям в исследованиях истории Древнего Чосона и Пуё, проводимых китайскими академическими кругами. Однако среди разнообразных интерпретаций древней истории региона стали преобладать прикладные работы, утверждающие, что история Древнего Чосона и Пуё была частью китайской истории. По мнению японского автора, тем самым китайская наука стремится ослабить идентичностные связи между этническими корейцами в Китае и южнокорейцами и северокорейцами. Подобные исследования реанимируют традиционное для Китая видение мира, где Китай находится в центре международных процессов. При этом возвращение китаеццентризма может быть обусловлено общими тенденциями развития науки КНР, как-то дефицитом возможностей международных обменов и зависимостью от политики правительства, а не недостатками отдельных китайских историков.

В 2016 г. Ли Чонсу, теперь в качестве сотрудника университета Тангук, опубликовал рецензию "Статус и тенденции актуальных исследований Пуё в Китае" на две китайские монографии по истории Пуё под авторством Ян Цзюнь (2012) и Фан Эньши (2013) [9]. Свою рецензию он категорично начинает с того, что Пуё, наряду с Древним Чосоном, играло ключевую роль в формировании корейского народа и относится именно к корейской истории, потому что и Когурё, и Пэкче, и Бохай признавали свою преемственность с Пуё. Несмотря на это, изучение истории Пуё в самой Корее, по мнению Ли Чонсу, остается на зачаточном уровне из-за нехватки письменных источников, археологических раскопок и артефактов.

Вся территория Пуё в настоящее время находится в пределах КНР. Корейские и китайские трактовки истории Пуё заметно различаются между собой. Корея считает Пуё частью своей истории, исходя из теории исторического суверенитета, то есть преемственности исторической легитимности, в то время как китайская наука рассматривает Пуё как одну из историй этнических меньшинств Китая, исходя из теории полиэтничного единства китайского государства, которое всегда ставило во главу угла территориальный суверенитет. Другими словами, все китайские ученые называют Пуё вассальным режимом Древнего Китая, созданным этническим меньшинством на Северо-Востоке.

Поскольку Пуё было первым государством, возникшим среди этнических меньшинств Северо-Востока, китайская наука сегодня считает его наиболее важным предметом изучения истории этого региона на стыке 1 в. до н.э. – 1 в. н.э. По этой причине в последнее десятилетие китайские академические круги значительно усилили изучение Пуё, впрочем, не публикуя принципиально новых данных или взглядов, отличных от существующего в Китае мейнстрима. Рассмотренные Ли Чонсу монографии, в основном, представляют собой сводку результатов преды-

дущих исследований. Сам он согласен с тем, что накопленные прежде данные не позволяют выдвинуть какие-то новые точки зрения. Чтобы продвигаться далее в изучении истории Пуё, наиболее важным Ли Чонсу считает поиск новых археологических данных, которые могут компенсировать дефицит письменных источников. В частности, все исследователи истории Пуё мечтают о том, чтобы китайская сторона опубликовала отчеты о раскопках руин в провинции Цзилинь, относящихся к периоду, который считается расцветом Пуё, в особенности на горах Донтуан (東團山) и Маоэр (帽兒山), которые начались в 1990-е гг. и проводятся с тех пор ежегодно.

Вышеупомянутый Фан Эньши, сотрудник Китайского института пограничных исследований КАОН, в свою очередь, получил возможность представить китайскую позицию в корейском журнале "Дописьменная и древняя история". В статье 2017 г. он систематизировал актуальные результаты исследований Когурё и Бохай в КНР, а также китайские публикации о племенах Емэк, о Пуё и некоторые общие статьи по истории Северо-Востока, которые имели какое-либо отношение к Когурё и Бохай [11].

Фан Эньши признаёт наличие в исследованиях Когурё и Бохай ряда узких мест. Поскольку основные письменные источники по этой теме были выявлены давно и использовались многократно, а базовые трактовки устоялись, необходимо глубоко задуматься о том, в каких направлениях двигаться дальше. Китайские авторы, в частности, предлагают провести ревизию историографии Когурё. Один из авторов видит новые возможности в изучении бохайских крепостей и сопряжении результатов раскопок с письменными источниками. Китайские ученые внимательно относятся к мнению ученых третьих стран, например, японца Кодзима Ёситака и А.Л. Ивлиева из ИИАЭ ДВО РАН. Также китайские историки постепенно осознают, что для эффективного изучения Когурё и Бохай необходимо рассматривать их в общем контексте истории Восточной Азии, в том числе в рамках систем международной торговли и дипломатии. Фан Эньши упоминает, что китайский историк Цзян Вэйгун провел большую работу по систематизации письменной истории Северо-Востока, опубликовав в 2016 г. "Серию хронологической истории древних этносов Северо-Востока", включая Пуё, Когурё, Пэкче, киданей и Бохай. Китайские археологи находят и анализируют новые письменные и археологические источники, прежде всего, эпиграфии и фрески гробниц. В 2016 г. в КНР были защищены три докторские диссертации по истории Когурё, все в вузах и научных институтах Северо-Востока (об укреплениях столицы Когурё, о росписях одной из гробниц Когурё, о монархах Когурё).

Наконец, в 2020 г. сотрудник университета Тангук Ли Сынхо выпустил алармистскую статью о тенденциях в исследованиях Пуё, обусловленных наследием СВП [8]. Несмотря на завершение СВП в феврале 2007 г., сформированные в его рамках направления и подходы китайской науки неуклонно сохраняются и сильно влияют на изучение истории Пуё в КНР. Ли Сынхо высказывает серьезные опасения, что подход китайских историков к Пуё как вассалу и в целом подчиненному элементу китайской цивилизации может исказить исследования истории Пуё. Другими словами, исследования Пуё, проводимые китайскими историками, всё ещё находятся в "ловушке влияния СВП". Южнокорейские же историки сегодня считают, что к истории Пуё нельзя подходить как сугубо корейской. Вместо этого они предлагают анализировать Пуё как часть общей истории Восточной Азии.

В заключение отметим, что южнокорейские историки внимательно и ревниво следят за китайскими исследованиями истории Северо-Востока даже спустя много лет по завершении СВП. Древние полиэтничные государства Северо-Востока корейские историки считают неотъемлемой частью истории Кореи и согласны "поделиться" с Китаем лишь в том, чтобы признать наличие других этносов в составе Древнего Чосона, Пуё, Когурё и Бохай и тесных социально-политических связей этих стран с историческим ядром китайской цивилизации. В рассмотренных статьях южнокорейские авторы делают акцент на организационные и идеологиче-

ские моменты, так что собственно общество древнего Северо-Востока отходит на второй план, и его развитие для неспециалиста остается не слишком понятным.

Корейские историки сетуют на то, что не имеют прямого доступа к основным археологическим находкам, которые могли бы пролить свет на историю Северо-Востока. При этом они критикуют китайские исследования, на наш взгляд, в довольно запальчивом тоне и не пытаются как-то заинтересовать китайскую сторону в проведении совместных исследований и разработке компромиссных моделей древней истории Восточной Азии. Вследствие этого комплексное изучение древней истории современного Северо-Востока КНР, Корейского полуострова и южной части Дальнего Востока России, очевидно, еще долго будет встречать затруднения и медленно продвигаться вперед.

Литература

1. Алкин С.В. Российско-корейское сотрудничество в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 34. С. 39-49.
2. Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука; Восточная литература, 2014. 318 с.
3. Ивлиев А.Л. О результатах выполнения темы "Археология и история юга Дальнего Востока России и смежных зон Азии в древности и средневековье" в 2011-2020 гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 31. С. 7-48.
4. Ahn Yonson. Competing Nationalisms: The mobilisation of history and archaeology in the Korea-China wars over Koguryo/Gaogouli // Japan Focus. 2006. Vol. 4, Issue 2. URL: <https://apjif.org/-Yonson-Ahn/1837/article.html> (дата обращения: 01.06.2021).
5. Northeast Project of the Chinese Academy of Social Sciences // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Northeast_Project_of_the_Chinese_Academy_of_Social_Sciences (дата обращения: 01.06.2021).
6. Park Kyeong-chul. History of Koguryō and China's Northeast Asian Project // International Journal of Korean History. 2004. Vol. 6. P. 1-28.
7. 시노하라 히로카타. 중국 학계의 韓國上古史 인식 - 古朝鮮史 · 夫餘史를 중심으로 // 선사와 고대. 2008. 29호. 61-105페이지. = Синохара Хироката. Понимание китайскими академическими кругами древней истории Кореи – на примере Кочосона и Пүе // Дописьменная и древняя история. 2008. № 29. С. 61-105.
8. 이승호. 2000년대 이후 夫餘史 연구 동향과 'POST 동북공정' 동양학. 2020. 80호. 67-87페이지. = Ли Сынхо. Тенденции исследований Пүе после 2000 года и "Пост-Северо-Восточный проект" // Восточные исследования. 2020. № 80. С. 67-87.
9. 이종수. 중국의 최근 부여사 연구현황과 동향 // 동북아역사논총. 2016. 51호. 239-258페이지. = Ли Чонсу. Статус и тренды актуальных исследований истории Пүе в Китае // Журнал истории Северо-Восточной Азии. 2016. № 51. С. 239-258.
10. 최광식. 동북공정 이후 중국 연구서에 보이는 고구려 발해 인식 // 선사와 고대. 2008. 29호. 107-131페이지. = Чхве Квансик. Понимание Когурё и Бохай в китайских исследованиях после Северо-Восточного проекта // Дописьменная и древняя история. 2008. № 29. С. 107-131.
11. 范恩实. 2016年度中国学界高句丽、渤海史研究综述 // 선사와 고대. 2017. 53호. 113-134페이지. = Фан Эньши. Обзор исследований Когурё и Бохай в Китае в 2016 г. // Дописьменная и древняя история. 2017. № 53. С. 113-134.
12. 李鍾洙. 中國의 夫餘史 認識과 研究現況 檢討 // 고구려발해연구. 2007. 28권. 111-132페이지. = Ли Чонсу. Обзор понимания и актуальных исследований истории Пүе в Китае // Исследования Когурё и Бохай. 2007. Т. 28. С. 111-132.

References

1. Alkin S.V. Rossijsko-korejskoe sotrudnichestvo v izuchenii arkheologii Sibiri i Korejskogo poluostrova // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. 2020. T. 34. S. 39-49.
2. D'yakova O.V. Gosudarstvo Bokhaj: arkheologiya, istoriya, politika. M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 2014. 318 s.
3. Ivliev A.L. O rezul'tatakh vypolneniya temy "Arkheologiya i istoriya yuga Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh zon Azii v drevnosti i srednevekov'e" v 2011-2020 gg. // Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2021. T. 31. S. 7-48.
4. Ahn Yonson. Competing Nationalisms: The mobilisation of history and archaeology in the Korea-China wars over Koguryo/Gaogouli // Japan Focus. 2006. Vol. 4, Issue 2. URL: <https://apjif.org/-Yonson-Ahn/1837/article.html> (data obrashheniya: 01.06.2021).
5. Northeast Project of the Chinese Academy of Social Sciences // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Northeast_Project_of_the_Chinese_Academy_of_Social_Sciences (data obrashheniya: 01.06.2021).
6. Park Kyeong-chul. History of Koguryō and China's Northeast Asian Project // International Journal of

Korean History. 2004. Vol. 6. P. 1–28.

7. 시노하라 히로카타. 중국 학계의 韓國上古史인식 - 古朝鮮史 · 夫餘史를 중심으로 // 선사와 고대. 2008. 29호. 61-105페이지. = Sinokhara KHirokata. Ponimanie kitajskimi akademicheskimi krugami drevnej istorii Korei – na primere Kochosona i Puyo // Dopis'mennaya i drevnyaya istoriya. 2008. № 29. S. 61-105.

8. 이승호. 2000년대 이후 夫餘史 연구 동향과 'POST 동북공정 // 동양학. 2020. 80호. 67-87페이지. = Li Synkho. Tendentsii issledovaniy Puyo posle 2000 goda i "Post-Severo-Vostochnyj proekt" // Vostochnye issledovaniya. 2020. № 80. S. 67–87.

9. 이종수. 중국의 최근 부여사 연구현황과 동향 // 동북아역사논총. 2016. 51호. 239-258페이지. = Li CHonsu. Status i trendy aktual'nykh issledovaniy istorii Puyo v Kitae // ZHurnal istorii Severo-Vostochnoj Azii. 2016. № 51. S. 239–258.

10. 최광식. 동북공정 이후 중국 연구서에 보이는 고구려 발해 인식 // 선사와 고대. 2008. 29호. 107-131페이지. = CHkhve Kvansik. Ponimanie Koguryo i Bokhaj v kitajskikh issledovaniyakh posle Severo-Vostochnogo proekta // Dopis'mennaya i drevnyaya istoriya. 2008. № 29. S. 107–131.

11. 范恩实. 2016年度中国学界高句丽、渤海史研究综述 // 선사와 고대. 2017. 53호. 113-134페이지. = Fan EHn'shi. Obzor issledovaniy Koguryo i Bokhaj v Kitae v 2016 g. // Dopis'mennaya i drevnyaya istoriya. 2017. № 53. S. 113–134.

12. 李鍾洙. 中國의 夫餘史 認識과 研究現況 檢討 // 고구려발해연구. 2007. 28권. 111-132페이지. = Li CHonsu. Obzor ponimaniya i aktual'nykh issledovaniy istorii Puyo v Kitae // Issledovaniya Koguryo i Bokhaj. 2007. T. 28. S. 111–132.

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, kozlov.le@dvvu.ru

Leonid E. KOZLOV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozlov.le@dvvu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 29.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 19.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022